

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №1, Том 12 / 2021, No 1, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK121.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шляков А.В. Трансформация жилища в культуре постмодерна // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK121.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Shlyakov A.V. (2021). The transformation of the home in postmodern culture. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK121.pdf> (in Russian)

Шляков Алексей Владимирович

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия

Профессор кафедры «Гуманитарных наук и технологий»

Доктор философских наук, доцент

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

Трансформация жилища в культуре постмодерна

Аннотация. Статья посвящена исследованию значимой координаты оседлого существования, которой является Дом. Выступая атрибутом устойчивости в традиционном и современном обществах, в культуре постмодерна Дом, следуя за тенденциями мобильности, сам обретает мобильные свойства. В статье производится анализ различных функциональных особенностей жилища от традиции к постмодерну: Дом – как место формирования привычек, место производства избыточности, место приема сообщений, транспортное средство (машина). Методологической базой для проведения исследования послужили иммунологическая сферология П. Слоттердайка, номадология Ж. Делеза, концепции цифровизации современных медиатеоретиков. Особое внимание в статье уделено принятию жилищем номадических свойств, превращению Дома в кочевую конструкцию. Внешняя форма Дома может и выглядеть завершенной, но пространственная локализация постоянно меняется. Хотя и во внешнем облике, и в интерьере Дома тоже происходят изменения: от декорирования, которое связано с оседлостью, долговечностью, осуществлен переход к дизайну, символизирующему подвижность, кратковременность. Рассмотрены тенденции в теории архитектуры, задающие новые тренды, связанные с мобильностью, невесомостью, трансформируемостью и ризомностью жилища. Описывается экспликация экзистенциальных переживаний субъекта жилища в топологии пространства постмодерна. Высказано предположение об изменении структуры психики в связи с уходом современного жилища от вертикальной структурности к горизонтальному, плоскостному размещению. Сделан вывод о том, что в культуре постмодерна, ориентированной на рост мобильностей, жилище тоже становится подвижным, становясь местом временного пребывания, в котором различие между внешним и внутренним постепенно нивелируется, а субъект из жилища становится транзитным пассажиром.

Ключевые слова: культура; постмодерн; Дом; жилище; мобильность; движение; номадизм; оседлость

Культура постмодерна, связанная с полицентричным восприятием ландшафтного, социального, культурного пространства, оказала существенное влияние на изменение образа жизни человека, который стал подвижным. Для описания этого образа жизни теории постмодерна использовали термин «номадизм» – глобальное кочевничество [1]. Номадизм постмодерна, в отличие от традиционного кочевничества, подразумевает движение не только человека, животных, но и капитала, идей предметов. Этот процесс роста мобильности создает условия для радикальной трансформации и восприятия, и конструирования человеческого жилья – Дома, который выступал не только отправной неподвижной точкой формирования картины мира, его опространствования, обживания, но и пределами жизненного Пути человека.

Сформированное в модерне знание о Доме отражает габитус пребывания, сформировавшийся в период доминирования оседлоцентричного мира. В современной ситуации человек испытывает дискомфорт от оседлого существования, которое кажется слишком медленным. Если раньше привязанность к земле воспринималась как универсальная ценность, то сегодня она вызывает скепсис. Как пишет П. Слоттердаик, «Представление о разрыве с родной землей обретает характер требования. Теперь мы можем понять, что оседлое проживание на родине является лишь привычным, но не вечным и не общезначимым способом местопребывания человека» [2, с. 514].

Дом – есть место вторжения времени в пространство, что трактует оседлость как некий экзистенциал ожидания (урожая, мужа с войны, детей из школы). В силу этого поле домашнего бытия было проникнуто оскудением, от которого пытались бежать дети и те, кто оказался инфицирован номадическим импульсом жажды новизны. «Это растянутое время захватывает в плен Dasein, так что в широком отрезке времени оно способно постичь лишь то, что оно, оставаясь в этом промежутке времени, оказывается приковано к нему», – пишет М. Хайдеггер, анализируя природу скуки [3]. Dasein, рассматриваемый в контексте традиционного Дома, содержит переживание терпения и вины, что позволяет и индивида рассматривать как существо ожидающее. Это ожидание создает ценность сценария отложенной жизни. Субъект ожидания, пребывая в Доме, осознает необходимость использовать себя ради онтологически более значимого явления. Как традиционный человек ждал созревания урожая, субъект модерна ожидает вызревания новой яви, в которой свершится и его новая явленность.

Стадия ожидания созревания нового сменяется следующим этапом в момент интенции ожидания на знаки, которые несут информацию о наступлении, приближении этой новизны [4, с. 144]. В этот момент Дом, выступающий местом ожидания, приобретает функции приемника сообщений. Находясь в Доме, люди пребывают в обычном состоянии, способствующем обнаружению необычности, которая позволит избавиться от каждодневной тривиальности. Вторжение необычности может быть произведено телефонным звонком, голосовым сообщением, сигналом поступившего на электронную почту письма.

Отсутствие собственных переживаний в рутинно-кристаллической повседневности привело к тому, что основной пищей становятся чудеса, которые в мире модерна заменились на газетные заголовки, книги, радиопередачи. Таким образом, жилище превращается в приемник информации, задачей которого становится тщательная сортировка сообщений, выбирающая информативно полезные, чтобы исключить ситуацию, когда информативно всё. В этом аспекте П. Слоттердаик выделяет иммунологическую функцию дома, обнаруживающуюся в период наступления эпохи «бездомности», «безродности» [5, с. 383]. Если М. Хайдеггер оценивал этот период как трагедию, то В. Флюссер видел в нем призыв к завершению демифологизации Родины [6]. «Можно сменить Родину, но жилище иметь необходимо. Даже клошар живет под мостом. Дом нужен для восприятия любых раздражителей, прочитываемых как информация, и для созидания информации» [7, с. 27].

Обнаруживается инверсия жилища: будучи в модерне следствием «бытия-на-родине», бытие в Доме оказывается причиной того, что Родина становится многократно производимым побочным продуктом машины-жилища. Машина-жилище выполняет важную функцию: она производит привычки жильцов, выступая эталоном относительно неизменного фона, по сопоставлению с которым субъект определяет привычное и непривычное в информационном потоке.

В эпоху возрастания интенсивности процессуальности обнаруживается, что осознание значимости собственного Дома может быть произведено только при помещении его в ряд других жилищ: постоянная смена места жительства позволяет оценить значимость первого Дома. Поздние Дома позволяют самостоятельно выбирать контекст привыкания. При рассмотрении топологии в иммунологической оптике можно заметить, что выбор и обустройство места самобытия человека основывается на упреждении недопущения негативного самочувствия [8]. Дом как пространственная иммунная система обеспечивал необходимую оборону, укрытие от любого неблагополучия. Но иммунологические требования к изоляции приватного, выдвигавшиеся в модерне, сегодня изменились: человек постмодерна уже не должен рассматривать Дом как расширение своего тела [9]. Универсум и космос отвергнуты, вместо религиозных и метафизических защитных механизмов появились юридически надежные жилые ячейки. Дом-жилая ячейка предназначен для сопротивления проникновению в него дурных новостей и токсичных людей. Как писал Ле Корбюзье, «Дом защищает свое право на игнорирование внешнего мира» [10, с. 37]. Этот же автор провозгласил наступление новой стадии развития функционала дома: Дом-жилая машина. «Эта машина для проживания представляет собой кочевническую юрту из металла и бетона, которая разрушает тысячелетний союз Дома и оседлости. Теперь у Дома нет связи с землей, нет укорененности», – пишет Э. Вельполь [11, с. 39]. В культуре постмодерна, которая возвеличивает ценности кочевого мира, номадизма, сам Дом тоже должен стать мобильным. «Достойная неподвижность» традиционного Дома пала под новыми требованиями «готовности к переезду» [12, с. 105]. Дом уже не является местом остановки, но сам превращается в мобильное транспортное средство [13].

Дом как транспортное средство воплощает принцип культуры постмодерна «стабильность через изменчивость». Постоялец становится пассажиром, а само жилище уже не укоренено в земле, а представляет собой парковочное место. Внешняя форма Дома может и выглядеть завершенной, но пространственная локализация постоянно меняется. Хотя и во внешнем облике, и в интерьере Дома тоже происходят изменения: от декорирования, которое связано с оседлостью, долговечностью, осуществлен переход к дизайну, символизирующему подвижность, кратковременность. Ориентир на мобильность, подвижность отражен и в задачах архитектурного строительства, предложенных Элем Лисицким, который артикулировал антигравитационные тенденции в архитектуре: «Основной идеей, обращенной в будущее, становится преодоления связи с фундаментом, с гравитацией» [14, с. 44].

Концепция Дома как транспортного средства для описания пребывания в жилище вполне применима, так как эксплицирует уход от многоэтажности (предусматривающей вертикальность структуры) к одноэтажности, подразумевающей горизонтальное развертывание, характерное для номадического образа жизни постмодерна. Эта трансформация, по мнению ряда психоаналитиков, может иметь серьезные психологические последствия, так как нивелирует вертикальное структурирование души. Фрэйдиистская триада «Оно»-«Я»-«Сверх Я», больше не символизирована в топологии подвал-комната-чердак, а следовательно, концепция бессознательного может существенно измениться [15].

В течение XX века происходит развертывание инженерно-технической концепции Дома-жилой машины. Американский архитектор, философ Ричард Букминстер Фуллер создает

серию изделий в рамках его концепции «Dymaxion» (неологизм, образованное от соединения «dynamic» и «maximum service»). Концепция Dymaxion изначально воплотилась Р. Фулером в трехколесном автомобиле пригодном для проживания, а в последствие трансформировалась в жилье, способное к перемещению. Дом Dymaxion, обеспечивает максимальный комфорт независимо от внешнего мира: и от источников энергии и от агрессивных агентов [16]. Этот Дом лишен земного фундамента и строится не из стен, а собирается из готовых блоков монтерами. В нем уже не живут, в привычном понимании этого слова, а пребывают, выбирая определенную опцию жилой машины, в том числе и переезд. Дом постепенно перестает выступать в качестве искусственной среды, примиряющей природу и человека. Отрыв от привязанности к земле как базовая номадическая идея проявляется в геометрии жилого здания и комнат в отказе от прямоугольности окон и дверных проемов [17]. Здание Дома демонстрирует направленность на индивидуализацию жилья и на его эмансипацию через мобильность. Он становится ризомоподобен, то есть такой коммуникативной средой, которая может вступать в гибридные сборки со средой любого генезиса: искусственной, естественной, социальной [18, с. 34]. Окна заменяются электронными панелями, которые воссоздают образ той или иной природной среды, что нивелирует различие «внешнее-внутреннее». И сама сущность Дома меняется, что обусловлено экономическими изменениями: трудовые функции реализовывались в общественном пространстве, но был и реверсивный процесс. В современной культуре рабочие функции проникают в приватное пространство Дома [19].

Австралийский культуролог С. Маккуайр пишет, что дом Б. Гейтса вместо стен имеет интерактивные панели, на которые проецируется любой пейзаж, любая природная среда «в некоторых случаях, например, в спортзале, экран располагался на потолке» [20, с. 26]. У. Митчел анализирует эту инновацию: «Стена не то, чем кажется. Когда она не активирована, она симулирует поверхность строительных материалов, но после активации она имитирует окна, которые показывают все, что вы захотите» [21, с. 33]. Подобные технологии в ближайшем времени будут доступны многим людям. Это легло в основу концепции «Цифрового дома», разработанной в Нью-Йорке в 1998 г. конструкторским бюро «Nagiri&Nagiri». Стены, ставшие окнами, уничтожат точку отсчета, привязанную к месту, и смогут приводить человека в любое место и в любое время, в любую реальность, что в корне меняет пространственное мироустройство, предлагая его номадическую модель. Природа стала технической, домашнее пространство – открытым. Среда обитания становится местом общего пользования. Внедрение цифровых технологий в жилище оказало существенное влияние на формирование идентичности, которая сегодня уже не определяется связью с пространственными границами. Распространение сети интернет сняло границу между приватным Домом и публичной работой. Офисы из центра перемещаются в пространства, которые традиционно считались «спальными районами». Работа проникла в Дом, а Дом, благодаря сетям, получил возможность быть везде.

Важная составляющая легитимности жилища, его адрес, тоже подвергся трансформации. Императив обладания адресом означал возможность выбора местожительства: его наличие утверждало субъекта в качестве отправителя и получателя сообщений. Сегодня Дом опосредован адресом тогда, когда он позволяет жильцам быть доступными для службы доставки и отправления заказов. Адрес подтверждает деловую репутацию и оправдывает собственные социокультурные претензии.

Таким образом, сегодня в культуре постмодерна можно отчетливо видеть утрату Домом традиционных функций, связанных с его устойчивостью, неподвижностью и обретение мобильных характеристик. Кочующий Дом подразумевает не только подвижность здания, но и мобильность его интерьера. Современные архитекторы проектируют жилище, исходя из основных трендов: трансформируемость, способность к адаптации, информационно-интерактивная составляющая, а также учитывают многообразие средовых условий размещения, которые сегодня не исчерпываются твердой поверхностью земли, а допускают и

водную стихию, и воздушную, и даже космическую. Это ячейка, осуществляющая процессы детерриторизации, избегающая долговременного соседства. Защитная функция, реализуемая в традиции прочностью стен, от стратегии сопротивления перешла в сторону избегания, ускользания от неблагоприятного. Подобно традиционному жилищу кочевых народов, которое не отгораживалось от природы, а вписывалось в нее, было легко разбираемым и мобильным, современные дома природу включают в интерьер, а сама конструкция дома способствует реализации номадических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М: Международные отношения, 1993. – 70 с.
2. Слоттердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Том III. Пена. – СПб.: Наука, 2010. – 923 с.
3. Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt-Endlichkeit-Einsamkeit. Frankfurt, 1992. S. 229.
4. Heidegger M. Bauen Wohnen Denken // Vorträge und Aufsätze. Pfullingen. 2015. – 336 s.
5. Слоттердаик П. Сферы. Микросферология. Том 2. Глобусы. – М.: Наука, 2007. – 1024 с.
6. Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 160 с.
7. Flüster V. Von der Freiheit des Migranten. Einsprüche gegen den Nationalismus (EVA Taschenbuch). Bollman in Bensheim. 1994. – 327 s.
8. Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем, 2014. – 352 с.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон, 2003. – 464 с.
10. Ле Корбюзье Новый дух в архитектуре. – М.: Strelka Press, 2017. – 120 с.
11. Wedepohl E. Die Weissenhofsiedlung: Werkbund Ausstellung "Die Wohnung", Stuttgart 1927 // Wasmuhts Monatshefte für Baukunst. IX, 1927 – 400 s.
12. Арнхайд Р. Динамика архитектурных форм. – М.: Стройиздат, 1984. – 192 с.
13. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 49–78.
14. Лисицкий Эль. Россия. Реконструкция архитектуры в Советском Союзе. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. – 150 с.
15. Vidler A. The Architectural Uncanny: Essays in the Modern Unhomely. Cambridge, Mit-Press. 1994. – 274 p.
16. Fuller Buckminster R. Dymaxion House. Vortrag in der Architectural League // Your Private Sky. R. Buckminster Fuller. Diskurs. Zurich. 2001. S. 90.
17. Fuller Buckminster R. Operating Manual for Spaceship Earth. Lars Müller Publishers. 2008. 44 p.
18. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: У-фактория, 2020. – 896 с.
19. Пилюгина Е.В. Феноменология ризомы. Ризоморфные среды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 3101–3105.
20. Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. – М.: Стрелка, 2014. – 362 с.
21. Митчел, Уильям. Я++: Человек, город, сети. – М.: Strelka Press, 2012. – 328 с.

Shlyakov Aleksey Vladimirovich

Industrial university of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

The transformation of the home in postmodern culture

Abstract. The article is devoted to the study of the significant coordinate of settled existence-Home. Acting as an attribute of stability in traditional and modern societies, in the postmodern culture, the House, following the trends of mobility, itself acquires mobile properties. The article analyzes various functional features of housing from tradition to postmodern: the House – as a place for forming habits, a place for producing redundancy, a place for receiving messages, a vehicle (car). The methodological basis for the study was the immunological spherology of P. Slotterdike, and the nomadology of Zh. Deleuze, concepts of digitalization of modern media theorists. Special attention is paid to the adoption of nomadic properties of housing, the transformation of the House into a nomadic structure. The external shape of the House may look complete, but the spatial localization is constantly changing. Although the exterior and interior of the House are also changing: from decoration, which is associated with sedentary life, the transition to design, symbolizing mobility, short-termism. Trends in the theory of architecture that set new trends related to mobility, weightlessness, transformability and rhizomacy of housing are considered. Explication of existential experiences of a dwelling subject in the topology of postmodern space is described. It is suggested that the structure of the psyche changes due to the departure of modern housing from vertical structurality to horizontal, flat placement. It is concluded that in the postmodern culture, focused on the growth of mobility, housing also becomes mobile, becoming a place of temporary residence, in which the difference between external and internal is gradually leveled, and the subject from the tenant becomes a passenger.

Keywords: culture; postmodern; Home; housing; mobility; movement; nomadism; settlement